

EXPERT WORKING GROUP ЭКСПЕРТНАЯ РАБОЧАЯ ГРУППА

Исследование

«Закрытие мечетей, как один из механизмов контроля уровня религиозности в обществе»

Email: xprtwg09@gmail.com

Тел: +99890 1895999

Известно, что в Узбекистане власти различными мерами контролируют рост уровня религиозности населения. Контроль религиозных тенденций и уровня религиозности – это одно из приоритетных направлений государственной политики. Этот контроль имеет очень многоуровневый характер. В случае Ислама один из векторов контроля проходит через мечети. Количество мечетей жестко контролируется, в год регистрируются всего несколько новых мечетей, а имамы официально действующих мечетей находятся под надзором властей. Содержание религиозных проповедей имамов, продаваемая религиозная литература и многие другие моменты являются предметом пристального наблюдения государства.

Закрытие мечетей

По данным достоверных источников, в последнее время в Андижанской области участились случаи объявления местных мечетей незаконными и их последовательное закрытие по решению местных хокимиятов и органов юстиции. По решению местных властей, здания закрытых мечетей продаются местному населению, передаются местным махаллинским комитетам или превращаются в различные объекты хозяйственного назначения, например, склады или магазины.

Так, решением районного хокима № 6-К от 15 января 2010 г. в кишлаке Гулистон Джалалкудукского района Андижанской области было решено закрыть 7 местных мечетей в различных махаллах, так как эти мечети были признаны хокимиятом незаконными. Хокимият распорядился использовать здания закрытых мечетей в качестве жилого дома, производственных цехов, детского спортзала, здания махаллинского комитета и так далее.

Также по решению районного хокима № 36-К от 13 января 2010 г., 11 из действующих 13 местных мечетей в кишлаке Бирлашган Хужабодского района Андижанской области были закрыты, так как они тоже были признаны незаконными. Согласно решению хокима, 8 закрытых мечетей будут выставлены на продажу в качестве жилого дома для местного населения, 1 из них будет передан в распоряжении местного махаллинского комитета, другой будет использован под склад хранения, а еще 1 мечеть подпадает под снос. Такое же сообщение было получено и по Баликчинскому району, где по решению местных властей 10 местных мечетей признаны незаконными и закрываются.

Подобные случаи также имеют место и в других районах Андижанской области. Свободно действовавшие до этого в течение долгих лет местные мечети, вдруг признаются незаконными и закрываются по административному решению властей.

Следует сказать, что мечети выполняют очень важную социально-культурную функцию в жизни мусульманского населения Узбекистана. Они являются традиционным местом совершения и осуществления различных социально-культурных практик и обрядов местного населения. Местные мусульманские сообщества возмущены закрытием мечетей просто по административному распоряжению местных властей.

Составление списков “потенциальных экстремистов”

Наши источники также сообщают об усилении контроля и преследования местного населения по религиозным мотивам. Возможно, тяжелое социально-экономическое положение, массовая безработица и миграция трудоспособного населения, жесткое ограничение гражданско-политических прав и свобод, делают угрозу религиозного экстремизма и фундаментализма в настоящее время легитимной для Узбекистана. Однако, в борьбе с данной угрозой государство в основном полагается на карательные меры. От такой практики нередко страдают мирные верующие, иногда члены семей, имеющих осужденного по религиозным мотивам родственника.

Периодически наблюдается всплеск “охоты” на религиозных фундаменталистов и экстремистов. Например, так было после взрывов 1999 г. в Ташкенте, террористических атак 2004 г. в Ташкенте и Бухаре и событий в Андижане 2005 г. Усилия по выявлению и поимке очередных религиозных фундаменталистов и экстремистов в Узбекистане были возобновлены с новой энергией теперь после событий 25-26 мая 2009 г. в Андижане и Ташкенте, а также после серии громких убийств летом прошлого года в столице.¹

По полученным данным, при Андижанском областном хокимияте создана специальная комиссия во главе с хокимом области. Основной задачей данной комиссии является совершение рейдов в местные населенные пункты и обход частных домов с целью выявления членов религиозно-экстремистских группировок. В состав комиссии входят представители областных подразделений Службы Национальной Безопасности, Министерства Внутренних Дел, прокуратуры, Общественное Движение Молодежи Узбекистана “Камолот”, Фонд Нуруний”, Фонд “Махалла” и другие.

Источник сообщает, что комиссия совершает рейды по всем районам Андижанской области. На сегодняшний день по результатам рейдов составлен список “4744 членов религиозно-экстремистских группировок” по области. В том числе:

- 1540 членов группы “Ваххабизм” (среди них 71 женщина);
- 1182 членов группы “Акромия” (среди них 123 женщины);

¹ 25-26 мая 2009 г. произошли несколько вооруженных столкновений между правительственными силами и вооруженной группой неизвестных лиц в Хонободе и Андижане (Андижанская область). Кроме этого, в Андижане неизвестное лицо подорвал себя надетой на себя бомбой. Власти назвали эту группу «вооруженной группой бандитов». 29 августа 2009 г. около одной из известных мечетей в Ташкенте «Кукча» произошли перестрелки между группой вооруженных неизвестных лиц и сотрудниками узбекских правоохранительных органов. Последние аресты среди религиозных групп населения также связывают с громкими убийствами, происшедшими в Ташкенте летом 2009 г. Х. Асадов (1971 года рождения), высокопоставленный сотрудник Главного управления уголовного розыска и борьбы с терроризмом Министерства Внутренних Дел Узбекистана, был застрелен в своём доме вечером 9 августа. 16 июля того же года в подъезде своего дома в Сергелиском районе был зарезан Аброров Аброр Убайдуллаевич (1973 года рождения), заместитель директора по духовности медресе Кукалош в Ташкенте. А вечером 31 июля 2009 г. во дворе своего дома получил множественные ножевые ранения главный имам-хатиб города Ташкента Турсунов Анвар Кучкарович (1958 года рождения), его жизнь удалось спасти – ЭРГ

- 1996 членов группы “Хизб ут-Тахрир” (среди них 269 женщин);
- 14 членов группы “Таблиговцев”;
- 12 членов группы “Нурчилар”.

Для того, чтобы “определить кто является религиозным экстремистом, а кто не является таковым”, комиссия основывается на весьма сомнительных критериях, такие как пребывание человека в течение определенного времени за рубежом; регулярное совершение мусульманской молитвы; регулярное посещение мечети; родственные отношения с осужденными по религиозным мотивам; стиль одежды и т.д.

Кроме того, эти комиссии ведут разъяснительные беседы с имамами мечетей, наблюдают у входа в мечеть за посетителями. Учащимся средних школ или колледжей вход в мечеть запрещается. Имеются случаи, когда при посещении мечети учеником средней школы или студентом колледжа, комиссии проводили беседы с родителями данной молодежи, чтобы те запретили своим детям посещать мечеть.

По сообщениям наших источников, именно в результате работы вышеназванной комиссии, в январе 2010 г. 6 жителей кишлака Гулистон Джалалкудукского района Андижанской области попали в список потенциальных религиозных экстремистов. Регулярное посещение местной мечети для совершения молитв, безработный статус и пребывание в течение последних двух лет в трудовой миграции за рубежом (для одного из жителей) стали причиной, побудившей комиссию включить этих жителей в список потенциальных экстремистов. В 2009 г. 35 жителей Хужаободского района Андижанской области также попали в список потенциальных экстремистов. Большинство из них регулярно совершали мусульманскую молитву в своих домах или мечетях. Также большинство из них периодически выезжали в Россию и соседний Казахстан в качестве трудовых мигрантов.

Как наши источники сообщают, к каждому лицу, попавшему в список потенциальных экстремистов, прикреплены представители местных махаллинских комитетов, правоохранительных органов и соответствующих других структур (например, директора средних школ, колледжей, руководители организаций, учреждений и предприятий). Эти официальные лица должны постоянно надзирать за “поведением” потенциального экстремиста и вести с ним разъяснительную работу. У нас нет информации о работе подобных комиссий в других регионах страны.

Очевидно, верующие понимают сложившуюся ситуацию и воспринимают такое отношение, как унижение, хотя под угрозой возможных репрессий предпочитают публично не проявлять свое недовольство. Задача обеспечения светских устоев государства постепенно трансформировалась до необходимости сохранения «светскости общественного сознания». Несмотря на несоответствие законам страны, данная задача весьма успешно выполняется правительством. Тем самым, в сознании большинства узбекистанцев, государственная политика и исламские ценности находятся в оппозиции.

Согласно специалисту Комитета по делам религии при Кабинете Министров Республики Узбекистан Бехзода Кадырова, *“Функционирование неофициальной, не зарегистрированной в принятом порядке религиозной организации квалифицируется как незаконное действие, но не как “независимость”, “свобода религиозного исповедания”, как это квалифицируется в настоящее время в прениях и форумах западных организаций”*. По его словам, *“для предотвращения вызовов межконфессиональной толерантности законодательством оговорены требования по отношению ко всем конфессиям равномерно. Например, третья статья закона “О свободе совести и религиозных*

организациях" гласит, что вероисповедание и свобода совести может ограничиваться тогда, когда это необходимо для обеспечения национальной безопасности и общественного порядка, здоровья, жизни, нравственности, права и свободы других граждан". "Нарушение закона не может оставаться безнаказанным, нравится это кому-то или нет. И вынесение этих проблем в международную политическую плоскость в искаженном виде, скорее, наталкивает на мысль о том, что за этим прессингом лежат конкретные политические или стратегические интересы", - подчеркивает Б. Кадыров.²

Игорь Ротар, известный специалист по свободе религии и совести в Центральной Азии, эксперт правозащитной организации Forum-18 (Норвегия), комментирует слова Б. Кадырова следующим образом: "Количество зарегистрированных в Узбекистане религиозных организаций почти в три раза ниже, чем в соседнем Казахстане, где проживает при этом меньше населения. В год регистрируется не более одной-двух церквей, хотя документы на регистрацию подают сотни. Стало нормой, что чиновники под разными предлогами отказывают верующим в регистрации. По отношению к мусульманским мечетям власти установили негласную квоту их количества по отношению к населению в махалле. В результате, в самых разных регионах Узбекистана можно видеть мечети, закрытые после принятия в 1998 году Закона республики Узбекистан "О свободе совести и религиозных организациях".³

Ст. 31 Конституции Узбекистана гарантирует свободу совести для всех. В ней утверждается, что каждый имеет право исповедовать любую религию или не исповедовать никакой. А ст. 61 Конституции устанавливает, что религиозные организации и объединения отделены от государства и равны перед законом. Государство не вмешивается в деятельность религиозных объединений.⁴ Согласно Ширин Хантер (Shireen Hunter), международному эксперту по Центральной Азии, «светское государство в Узбекистане понимается, как подчинение религии государству, а не отделение государства от религии».⁵

Ст. 62 Конституции гласит, что роспуск, запрещение или ограничение деятельности общественных объединений могут иметь место только на основании решения суда, что означает вышеприведенные случаи закрытия мечетей на основании административных решений хокимиятов грубо нарушают положения Основного Закона.

Предыстория государственной политики по свободе религии и Исламу⁶

В узбекском обществе по отношению к религии можно наблюдать разносторонние тенденции. Общественное отношение к религии условно можно делить на периоды. Например, первые годы независимости в узбекском обществе наблюдался необычайно высокий интерес к религии. В целом, год за годом наблюдается в основном расширение (то есть имеет место не углубление, а расширение) религиозности общества. О росте

² Интерфакс, «В Узбекистане растет количество легальных религиозных общин – чиновник», 17 января 2006 г., см. www.interfax-religion.ru/national/?act=news_x_div=8774

³ Информационное агентство «Фергана.ру», «Игорь Ротар: «Количество зарегистрированных в Узбекистане религиозных организаций почти в три раза меньше, чем в соседнем Казахстане», 27 января 2006 г., см. www.ferghana.ru%2Farticle.php%3Fid%3D4204

⁴ См. <http://www.search.uz/uzbekistan/constitution/>

⁵ Expert Working Group – Uzbekistan, "Freedom of religion or belief in Uzbekistan", a Policy Brief for the OSCE Supplementary Human Dimension Meeting on Freedom of Religion or Belief, Vienna, 9-10 July 2009

⁶ В этой части анализа использованы заметки и выводы узбекского политолога, Исламоведа, который любезно согласился на анонимных условиях прокомментировать действующую государственную политику в отношении свободы религии.

уровня религиозности говорят многие факты. Причины усиления религиозности очень многогранны, эти факторы находятся в мощной комбинации с многочисленными внутренними и внешними причинами.

Ислам, как религия, претендующая к универсализму, в узбекском обществе выполняет многие социальные функции, среди них также и функцию «формирования мировоззрения», «канализации социальных протестов» и т.д. Ислам не может не иметь позицию по социальным и общественно значимым вопросам. Удивительно, но и в условиях социально-экономического кризиса, и в условиях экономического благополучия и процветания, мусульманские общества продолжают оценивать ситуацию через религиозные категории. В современных условиях отсутствия политических прав и свобод, истинно демократического правления и свободы слова в Узбекистане, Ислам превратился в альтернативу, в способ несогласия или протеста, а для некоторых – в возможность замкнуться в самом себе или в своем микро-обществе. Главным является то, что к сегодняшнему дню в узбекском обществе не сформировалось ни либеральное мышление, ни национальное самосознание, как таковой. Для большинства населения Ислам был и остается главным целостным элементом общественного сознания.

Более того, в сознании мусульман-узбекистанцев меняется форма самоидентификации. В условиях глобализации постепенно теряет свое значение такие категории, как «национальность», «этничность», вместо них чувство и понятие принадлежности к единому всемирному сообществу мусульман становится мощным интегрирующим фактором. Например, внимательно следя за ситуацией в Ираке, узбекистанцы, прежде всего, смотрят туда глазами «мусульманина». Такая же ситуация наблюдается по отношению к другим событиям и тенденциям в мире. Тем самым, внешние факторы тоже являются своего рода «катализаторами» усиления религиозной идентичности.

Существуют определенные слои и группы общества, склонные видеть в Исламе способ уединения от мирских забот. Например, люди преклонного возраста начинают уделять свое внимание к «компенсаторской» функции ислама, то есть у них в результате неоправданных ожиданий и надежд в мирской жизни, усиливаются ожидания от Бога в другой жизни. Поэтому часто наблюдается, что уровень религиозности повышается у людей преклонных лет. Также в истории Узбекистана существовало много исламских течений, например, Суфизм, призывавшие к своеобразному «изоляционизму» от общества. Хотя Суфизм утратил свои прежние позиции, но образ религиозного мышления, похожий на Суфизм, особенно с идеей неучастия в социальных делах часто встречается. Необходимо отметить, что доктрины Ислама, сформированные под пристальным контролем государства, насыщены идеей «терпения» (*«сабр»* на арабском), другими словами идеей «подчинения правителям». Такие же попытки трактовки религии в своеобразной форме продолжаются и в настоящее время.

Но, в целом, основные тенденции, протекающие во имя Ислама, показывают, что современному Исламу, в том числе Исламу в Узбекистане, свойственны динамизм и активность. Наиболее яркие примеры – многие массовые протесты в новейшей истории Узбекистана отчасти или полностью имели религиозную окраску (Наманганские события 1992 г., теракты 1999 г., теракты в Бухаре 2004 г., Андижанские события 2005 г. и многие другие мелкие события). Стало почти закономерностью, что индивиды со сравнительно высоким уровнем религиозности одновременно отличаются социальной активностью, динамизмом и политизированностью.

Правительство Узбекистана по отношению к религии ведет политику сдерживания. Вместе с тем, правительство для себя выяснило, что раз у общества есть склонность к

религии, и невозможно устранить религию, то этот фактор надо использовать в своих целях – для укрепления власти и политического режима. В результате этого, сегодня государственная власть и традиционные исламские структуры находятся в крепком альянсе: власти поддерживают официальное исламское духовенство и религиозных деятелей с традиционной религиозной позицией, а в свою очередь, эти религиозные структуры становятся своеобразными «фабриками по производству легитимности для властей». Уточним - например, во время традиционных пятничных молитв, имамы мечетей обязательно выделяют время, чтобы выразить благодарность государству «за созданные условия для свободы религии».

Согласно официальной позиции, если в семье обнаружен один «экстремист», то, скорее всего, и другие члены этой семьи потенциальные или реальные экстремисты. И на самом деле, в действительности власти часто преследуют и заключают по несколько лиц в одной и той же семье. С другой стороны, с арестом одного члена семьи или родственника, в традиционном узбекском обществе, где все боятся властей, окружающее сообщество склонно избегать контактов с семьями религиозных заключенных. Наличие вообще осужденных среди родственников, и тем более осужденных по религиозным мотивам, делает государственную карьеру невозможным. Кроме того, близкие родственники осужденных по религиозным мотивам, независимо от пола и возраста, все время находятся под наблюдением спецслужб и иногда махалинских комитетов (местные органы самоуправления).

Среди экспертов нет единого подхода по вопросу о том, какие слои населения больше тяготеют к Исламу (молодежь \ взрослое население; богатые \ средний класс \ бедные; мужчины \ женщины; сельское население \ городское население и т.д.). В Узбекистане, по уровню религиозности легче условно выделять регионы, чем социальные слои населения. Например, часто считается, что Ферганская долина и город Ташкент являются более религиозными. В то же время, наблюдается рост религиозности в Самаркандской, Хорезмской, Бухарской, Кашкадарьинской, Сурхандарьинской и других регионах страны. В целом, общество предпочитает скрыть свою религиозность, и этому есть причины. Государственной информационной политикой создан общеизвестный и глубокий стереотип, что «всякий верующий есть потенциальный кандидат на статус экстремиста». В гендерном плане, по нашим наблюдениям, женщины не менее активны, чем мужчины. Достоверно известно, что чем плотнее количество населения на квадрат километр, тем выше уровень религиозности.

Кроме контроля уровня религиозности через мечети, существует и другой вектор контроля над уровнем религиозности, проходящий через установление государственной монополии на религиозное образование. Власти поняли, что в узбекском обществе есть глубокая потребность к религиозным знаниям по Исламу, и тем самым, в 1999 г. был учрежден Ташкентский Исламский Университет. Через учреждение этого университета власти хотят сами воспитывать религиозных кадров и формировать религиозно-интеллектуальные позиции общества. Интересно то, что данный университет был учрежден Постановлением Кабинета Министров Узбекистана и официально регулируется им, что противоречит международному законодательству и законам страны (принцип секуляризма или отделения государства от религии). Однако это не смущает властей. Помимо этого, в Узбекистане действуют еще несколько исламских учебных заведений, где готовятся религиозные кадры. Однако эти учебные заведения готовят специализированных религиозных кадров и богословов, что никоим образом не удовлетворяет общие потребности общества к религиозным знаниям по Исламу. Всякие другие формы религиозного образования (как преподавание, так и получение знаний),

выпадающие за рамки официальных религиозных учебных заведений, расцениваются, как противозаконные и соответственно караются.

Проблема религиозного экстремизма слишком форсирована и преувеличена со стороны правительства. Она используется, как политическая технология для ужесточения и сохранения контроля над обществом. Объявляя себя борцом против религиозного экстремизма и терроризма, государство хочет на самом деле просто укрепить свою власть. Дело в том, что Исламизм никогда еще не был в состоянии парализовать политический курс страны; еще никогда не имел достаточную силу для предложения альтернативный вариант развития. Скорее всего, определяющим моментом в политике властей Узбекистана по отношению к «экстремистским» организациям является то, что в 1992 г. политическое руководство страны ощущало в себе сильную напряженность из-за лидеров Исламистов таких, как Тохир Йулдашев. Отсюда был сделан вывод о том, что ростков Исламизма необходимо уничтожать в корнях.

Растет ли или падает активность запрещенных в Узбекистане религиозных экстремистских групп в последнее время – вопрос неоднозначный, так как из-за закрытости политической системы, мы лишены полной возможности следить за динамикой развития Исламистских групп. Но ситуация в Узбекистане имеет свои особенности. Власти показали свою решимость по борьбе «с всякими исламистами и даже подозреваемыми». В результате такой политики можно догадаться, что часть исламистов действительно удалена из общества, а другая часть ушла в глубокое подполье. Однако сложная социально-экономическая ситуация в стране только способствует появлению Исламистов. Если информация об активистах «Хизб ут-Тахрир», «Акрамия», или «Ваххабиты» стала меньше появляться в подконтрольных государству СМИ, то одновременно мы получаем сообщения о том, что в настоящее время по всей стране проходят судебные процессы по уголовным делам против членов группы «Нурчилар», «биродарлар» или «джиходчилар».

В целом, ситуация контролируется властями и карательными методами сдерживается увеличение активистов Исламистских групп. Однако такая политика бесперспективна и даже опасна. Опыт многих мусульманских стран показывает, что репрессивная борьба с Исламистами через некоторое время усиливает их позицию в обществе и создает сочувствие к ним.

Также трудно ответить на вопрос увеличились ли или уменьшились аресты по религиозным мотивам в последнее время. Появляющиеся в СМИ материалы показывают, что власти не меняют и не собираются менять свою политику преследования по религиозным мотивам. Для властей это вопрос сохранения светских устоев государственной власти, но в долгосрочном плане это фундаментальная проблема для Узбекистана. Политика преследования и репрессии по религиозным мотивам неадекватна. В результате необоснованной и brutальной политики в отношении верующих возникает противоположный эффект: общество не доверяет политику властей по борьбе с религиозным экстремизмом и терроризмом. Результатом недоверия в перспективе могут стать совсем нежелательные последствия. Политика властей по борьбе с Исламизмом репрессивна и потому не эффективна. Этот способ борьбы не убеждает общество, а пугает, не лечит, а уничтожает.

Заключение

Ислам сама по себе сильно социализированная и политизированная религия. Она определяет свои позиции, исходя из общественных настроений. Методы эффективного

предотвращения религиозного экстремизма и борьбы против него должны быть комплексными. Они должны включать в себя, как вопросы разрешения накопившихся политических, социально-экономических проблем, так и использование силы и принуждения, если имеется на то необходимость.

Рано или поздно в Узбекистане начнется процесс либерализации. Основная трансформация ожидается именно тогда, то есть в настоящее время Ислам, как религия, находится под громоздким давлением государства и пока не способна свободно определять свои позиции по политическим, социально-экономическим и культурным вопросам. В период трансформации роль религии повышается и политизируется. Сейчас на неполитическом уровне общественное сознание большинства населения Узбекистана формируется под влиянием религии (через такие религиозные категории, как судный день, рай, ад и т.д.). Поэтому с приближением периода трансформации качество религиозной идентификации общества в Узбекистане будет расти.

Идея «современного Ислама» (moderate Islam) – это прогрессивная идея, но, к сожалению, Узбекистан пока находится в своем пути к формированию необходимой религиозно-интеллектуальной позиции, способствующей трансформации существующего в стране Ислама в современный. В Узбекистане более остро стоит нужда либерализовать практику свободы религии и совести, чем вопрос реформирования и либерализации самой религии Ислам. Но на современном этапе развития нашего общества мы не знаем, как себя поведут различные религиозные группы и деятели, если наступит период свободы и реальной демократии, так как у нас не имеется такого исторического опыта. Другой проблемный вопрос – жестко централизованная идеология в Исламе. Если представить себе свободную публичную дискуссию (в очень упрощенном варианте) между двумя религиозными авторитетами, один из которых сторонник консервативных религиозных норм, а другой выступает за реформирование Ислама, очень трудно предсказать, какую сторону выберет общество. Опыт Ближнего Востока и других стран с преимущественно мусульманским населением показывает, что пока само общество не осознает необходимость реформ и изменений, всегда будут побеждать консервативные идеологии.

Однако для Узбекистана главной проблемой не являются религиозные экстремистские группы, главный вопрос – это религиозные склонности общества. Ни одна из объявленных радикально настроенных религиозных групп не способна парализовать государственную и общественную жизнь в стране. Единственным риском может стать временное возрастание влияния таких религиозных групп в обществе. Но общество всегда движется дальше и прогрессирует. Если узбекистанское общество получит шанс, прямо говоря, по настоящему насытится свободой религии и совести, свободой слова и выражения, то большинство населения начнет осознавать необходимость реформ и развития. Угроза Исламизации всего общества – беспочвенна и искусственно преувеличена.

Экспертная Рабочая Группа - Узбекистан

14 апреля 2010 г.

Ташкент, Узбекистан